

металлографическому и химическому микроструктурному анализу. В ходе данных анализов, основанных на методике SEM-EDS (энергодисперсионная сканирующая электронная микроскопия), было определено, что химический состав этих артефактов был сформирован на основе меди без примесей. Данный факт предполагал либо использование оксидных руд в производстве металлической меди, либо, возможно, ее переработку. Металлография показала, что предметы были отлиты в формах, а затем подвергнуты ковке и отжигу. Выбор чистых медных сплавов может указывать на местное производство медных и бронзовых вещей определенных типов на Южном Урале, например, для набора колчанов, сосуществующих с совместным использованием как костяных, так и первых железных наконечников стрел к концу III века до н. э. Данный вывод также соотносится и с исследованиями С. В. Кузьминых, который отмечал, что подобные принципы построения металлургии характерны и для одновременного с кара-абызским – ананьинского мира [Кузьминых, 1983. С. 8, 157–158].

Таким образом, мы можем предположить, что население Южного Приуралья раннего железного века, представленное в III–II вв. до н. э. в том числе и представителями кара-абызских племен, продолжало активно использовать медную и бронзовую металлургию, основанную на местных металлургических традициях. Данные традиции металлообработки могут вести свои корни, в том числе, и от населения эпохи позднего бронзового века степных и лесостепных пространств Южного Приуралья. Окончательный вывод о преемственности металлургических традиций и рудных источников можно будет сделать после детального сравнения примесей в бронзовых и медных изделиях, а также выяснения технологии изготовления самих вещей.

Корочкова О. Н.

(Екатеринбург, Россия)

Символические практики литейщиков Урала и Западной Сибири эпохи бронзы⁶⁶

Аннотация. Доклад посвящен символическим практикам древних металлургов и литейщиков степного, лесостепного и лесного Зауралья и

---

⁶⁶ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-09-40011 и ГЗ FEUZ-2020-0056

Западной Сибири, выраженным в погребениях, святилищах, атрибутах литейного дела и металлических предметах. Знаковая деятельность демонстрирует темпы и динамику внедрения инноваций в культуру человека дописьменной поры, развитие от экспрессивных к более спокойным реакциям.

Ключевые слова: погребения литейщиков, святилища, металл, синташтинская культура, сейминско-турбинский феномен, кротовская культура.

Эпоха бронзы кардинальным образом поменяла образ жизни человека, благодаря стремительному внедрению металла, развитию транспорта, становлению продуктивного скотоводства. Это стимулировало разделение труда, выделение престижных видов деятельности, которые в соответствии с логикой адаптации человека дописьменной поры, нуждались в специальной символической поддержке. Информационные вызовы, которые привнесла новая эпоха, нашли отражение в самых разнообразных сферах мифоритуальной деятельности.

В центре внимания данной работы – символические практики древних литейщиков степного, лесостепного и таежного Зауралья и Западной Сибири, выраженные в культовых памятниках, погребальных комплексах, артефактах.

В начале бронзового века к востоку от Урала до Алтая складывается два больших культурных массива – кротовско-елунинский и синташтинский. Их культурное своеобразие определяют знаковые системы, воплощенные в погребальной обрядности, костюме, украшениях, металлообработке, керамике, домостроительстве. Одним из маркеров культурной идентичности стали обряды, связанные с выделением в среде местных групп населения профессионалов, занятых металлопроизводством. Археологическим подтверждением этого служат т.н. погребения литейщиков, святилища, собственно металлические предметы и атрибуты литейного дела.

Сегодня известно всего пять погребений литейщиков, обнаруженных в четырех могильниках синташтинской культуры: Синташтинский III [Генинг и др., 1992. С. 333–341; Стефанов, Епимахов, 2006], Солнце 2 [Епимахов, 2006], у горы Березовой [Халяпин, 2001; 2005], Бестамак [Калиева, Логвин, 2009; 2012]. Несмотря на очевидную индивидуальность каждого, они демонстрируют некоторые универсальные черты. Их объединяет присутствие в составе сопроводительного инвентаря таких предметов, как: керамические сопла, каменные орудия для металлообработки, сосуды, изделия из бронзы (топоры-тесла, ножи-кинжалы), каменные наконечники

стрел, в единственном случае – литейные формы, а также те или иные знаки колесничного комплекса (псалии, жертвенники лошадей, имитации колесницы). Металл принадлежит к кругу производящих центров, наследующих традиции циркумпонтийской металлообработки и ориентированных на выплавку мышьяковой меди [Черных, 2013. С. 222–224]. Исключение – погребение у горы Березовой, в составе инвентаря которого – пластинчатый нож-кинжал сейминско-турбинского типа.

Все перечисленные погребения осуществлены по канонам, которые сложились в среде населения синташтинской культуры [Епимахов, Берсенева, 2016]. Близкие соответствия уральские комплексы находят в немногочисленных погребениях литейщиков катакомбного круга. Для них также характерным атрибутом сопроводительного инвентаря являются сопла и тигли [Кубышев, Нечитайло, 1991; Гей, 1986; Ильюков, 1986; Батасова, 2019]. При этом сопла синташтинских погребений отличает ярко выраженная символичность – почти все они покрыты декором, типичным для орнамента местной керамики. В отличие от западных образцов, демонстрирующих преобладание конусовидных трубок, уральские сопла – достаточно длинные, почти цилиндрической формы, входное и выходное отверстия различаются незначительно. Добавим к этому еще одно интересное наблюдение – чрезвычайную редкость находок подобного типа на поселенческих памятниках, связанных в том числе с металлопроизводством [Вальков, Кузьминых, 2000. С. 73–74]. Данное обстоятельство подчеркивает особый статус данных изделий в атрибутике обществ бронзового века.

Не менее разнообразными и сложными видятся на «синташтинском фоне» символические практики сибирских мастеров, чьи технологии принадлежали к кругу сейминско-турбинских традиций втульчатого литья на основе оловянных сплавов.

В качестве основных примеров прежде всего стоит упомянуть сейминско-турбинские могильники Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988] и Сатыга XVI [Беспрозванный и др., 2011], разрушенные памятники под Омском [Молодин, Нескоров, 2010] и на р. Пышме [Бородовский, Оборин, 2020]. Подобные комплексы Е. Н. Черных предлагает трактовать, в том числе, как своеобразные святилища-мемориалы [Черных, 2009. С. 267]. В составе некрополей Ростовка (погр. 4, 21, 24) и Сатыга XVI (погр. 5, 35) обнаружены по три и два погребения литейщиков. Погр. 4 Ростовки и погр. 35 Сатыги XVI включены в данную категорию условно, т.к. содержат невыразительные керамические обломки, напоминающие матрицы, и обломок глиняного сердечника. Остальные погребения – это сложно

устроенные комплексы с обилием литейного инвентаря, представленного каменными и глиняными формами для изготовления характерных предметов сейминско-турбинского ассортимента (кельты, ножи, долота, стамески, наконечник копья, дротика) [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 36, 2, 3; 37; 38; 42, 1; Беспрозванный и др., 2011, рис. 2.5, 2.6]. Другая особенность – наличие в составе сопроводительного инвентаря престижных предметов, указывающих на особый статус погребенного. В Ростовке это золотые кольца, бронзовые орнаментированные кельты, в том числе с фигуративным изображением [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 32, 1, 2, 4]; двулезвийный нож, наконечник копья с вильчатой втулкой, крюком и петелькой, наконечник копья с короткой втулкой и широким пером, кельт с ушком-петелькой [Там же, рис. 42, 43]; в Сатыге XVI – массивная булава из кварцитопесчаника [Беспрозванный и др., 2011, рис. 2.5, 5; ил. 12, 6].

С известной долей осторожности как погребение литейщика интерпретируется местонахождение Сайгатино VI под Сургутом [Кокшаров, Чемякин, 1991; Корочкова, 2011], где обнаружено несколько литейных форм (для двух кельтов, фигурки в кольцевом обрамлении и какого-то плоского предмета), фрагменты бронзовой втулки, два миниатюрных сосуда, развалы четырех крупных сосудов, абразивные плитки, каменные предметы, сланцевый штамп-подвеска и изделия из кости. В данной коллекции целый ряд предметов является типичным для уральских и сибирских сейминско-турбинских мемориалов.

Традиция манифестации профессиональной принадлежности мастеров-литейщиков в Западной Сибири сохраняется и на более поздних этапах эпохи бронзы, о чем сообщают погребения могильников Сопка-2 [Молодин, Гришин, 2019] и Тартас [Молодин, Дураков, 2018; Молодин и др., 2018]. Из 12 комплексов с литейными атрибутами две трети – условные, в их сопроводительном инвентаре присутствуют невыразительные обломки литейных форм, тигель, и только в трех – литейные формы. При этом, погребения могильника Сопка-2 заметно выделяются и по количеству форм (в погр. 292 – четыре экз., в погр. 91 – три экз.), и по составу сопроводительного инвентаря, включающего кельты, ножи, украшения.

Другой вид символической деятельности отражают святилища, к кругу которых сейчас можно уверенно относить Шайтанское Озеро II [Корочкова и др., 2020], с некоторым допущением, комплекс на р. Пышме [Бородовский, Оборин, 2020] и Самусь IV [Матющенко, 1973]. Судя по раскопкам на Шайтанском озере, святилище представляло специально устроенное место, где производились ритуалы, связанные с депонированием орудий, лома, отходов металлопроизводства. Обнаруженные на его периферии погребения,

позволяют рассматривать их как захоронения людей, которые обладали автономным статусом в рамках общин, использовавших культовую площадку для осуществления различных ритуалов, связанных с неизвестной ранее сферой металлопроизводства. На Самусь IV основные манипуляции производились с глиняными литейными формами [Васильев, 2007].

Особую знаковую нагрузку в культуре населения начальной поры бронзового века Западной Сибири и горно-лесного Зауралья несли собственно металлические предметы и аксессуары литейного производства, обнаруженные на поселениях. Речь идет о специфическом декоре кельтов – пожалуй, «главного» открытия и орудия мастеров сейминско-турбинской металлообработки. При этом орнаментальные схемы, характерные для т.н. сейминских, турбинских и самусьско-кижировских образцов, отличались, что коррелируется с некоторыми морфологическими особенностями [Черных, Кузьминых, 1989. С. 38–63, 144–157; Бочкарев, 1994; Корочкова и др., 2015]. Подобные отличия свидетельствуют о различных «школах» или хронологических трансформациях в рамках развития сейминско-турбинской металлообработки. «Ранние» предметы снабжены специальными петельками, которые не несут никакой функциональной нагрузки, но служат для акцентирования дополнительными подвесными регалиями статусного оружия [Бочкарев, 2004. С. 405–406], позже они заменяются т.н. ложными ушками.

Символичны и собственно литейные атрибуты – сопла и тигли. Они покрыты декором, который соответствует стилистике местного орнамента [Кокшаров, 2014; Корочкова, 2019], что позволяет с осторожностью делать вывод о непосредственной вовлеченности аборигенов тайги в привнесенные сюда носителями сейминско-турбинских традиций процедуры литья.

С течением времени подобная символическая избыточность, а также традиция депонирования металлических орудий, литейных форм, инструментов в культовых комплексах, если не исчезают полностью, то заметно меняются. По-видимому, это отражает реакции населения, познакомившегося с абсолютно новой технологией и металлическими орудиями, которые существенно повлияли на их образ жизни. Постепенно металлопроизводство и собственно орудия из бронзы становятся повседневностью, на смену им приходят новые открытия и достижения. Во всяком случае, в некрополях заключительной стадии бронзового века погребения литейщиков неизвестны, как неизвестны они и в раннем железном веке. Такая же тенденция исчезновения погребений литейщиков на более поздних этапах бронзы характерна и для европейских культур, где буквально единичные комплексы подобного типа катакомбной,

новотитаровской, полтавкинской, фатьяновской, абашевской культур также соответствуют ранней поре внедрения металла в разных регионах. С течением времени металлические изделия предпочитают аккумулировать в специальных кладах [Бочкарев, 2002; Корочкова, Федорова, 2019].

Символическая деятельность первых металлургов и литейщиков Урала и Западной Сибири отражает развитие от экспрессивных практик к более спокойным реакциям и демонстрирует темпы, динамику и модели внедрения инноваций в культуру человека дописьменной поры. Близкие аналогии можно привести в отношении прорывов в области транспорта: от захоронений колесниц до их имитаций [Епимахов, Новиков, 2017. С. 353], замены реальных повозок на глиняные модели в степном поясе Евразии [Гей, 2000. С. 175–190; Bondar, 2012; Корочкова, Усманова, 2020. С. 80–81]. Близкие мировоззренческие ответы демонстрирует становление транспортного оленеводства на севере Западной Сибири, запечатленное в символических практиках святилища раннего железного века Усть-Полуй [Федорова, Гусев, 2019; Nomokonova et al., 2020].

Кудинова М. А., Варенов А. В.

(Новосибирск, Россия)

Петроглифы памятника Уцзячуань и их аналогии тюркского времени из Центральной Азии и Сибири

Аннотация. На памятнике наскального искусства Уцзячуань в уезде Цзинъюань пров. Ганьсу (КНР) шесть всадников и один стоящий человек показаны в головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. Эти персонажи находят соответствия в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. На валуне из могильника Кудыргэ выгравирована сидящая женщина в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Изображения женщин в трехрогих головных уборах также встречены на скалах и на костяных предметах в Киргизии, Казахстане и в Хакасии. Среди петроглифов Северо-Западного Китая присутствуют всадники в «трехрогих» головных уборах.

Ключевые слова: Китай, древнетюркское время, петроглифы, «трехрогие» персонажи Центральной Азии и Сибири.